

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Канькин С.В. "Олимпийская надежда": фуколдианские интерпретации // Философия и культура. 2024. № 9.
DOI: 10.7256/2454-0757.2024.9.69867 EDN: KDHDRJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69867

"Олимпийская надежда": фуколдианские интерпретации

Канькин Станислав Владимирович

ORCID: 0000-0002-3250-4276

кандидат философских наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) ННТУ "МИСиС"

309503, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, Никитский, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.9.69867

EDN:

KDHDRJ

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2024

Аннотация: Исследование литературных произведений, посвященных спортивному бегу, позволяет определить их сюжетную доминанту как конфликт между порождаемыми бегом чувствами свободы и радости и такими свойствами профессионального спорта, как жесткая конкуренция соревновательной деятельности и авторитарная регламентированность тренировочного процесса. Социокультурные напряжения такого рода плодотворно осмыслялись в трудах Мишеля Фуко с использованием концепций биовласти как единства анатоми- и биополитики; дисциплинарных практик как методов нормализации тел; надзора и паноптизма в качестве средств контроля, а также технологий самости и субъективации, направленных на демпфирование эффектов чрезмерного господства. В качестве объекта применения фуколдианских средств анализа вышеуказанной конфликтной ситуации в статье используется опубликованный в 1955 году и непереведенный на русский язык фантастический спортивный роман датского писателя Кнуда Лундберга «Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 года». Методология исследования базируется на концептуальном анализе теоретического наследия М. Фуко и рецепции идей

французского философа российскими и западными учеными. В ходе исследования было выявлено, что в романе представлены четыре варианта биовласти: немецкий (генетическая евгеника), американский (гормональная евгеника), советский (калечащие практики) и датский (основан на свободном развитии природной предрасположенности), используемой для организации рождения и подготовки бегунов высшего уровня. Дисциплинарные практики подготовки бегунов наиболее отчетливо выражены в тоталитарных государствах. Методами их осуществления являются специализированные закрытые тренировочные пространства; жесткий распорядок дня; ежедневные монотонные беговые упражнения; постоянная дифференциация спортсменов по рейтингу; экзамены в виде соревнований; медицинские эксперименты. Реализация бегунами технологий самости и субъективации осуществляется в формах сопротивления и трансгрессии. К. Лундберг связывает свои олимпийские надежды в спортивном беге не с жестокими профессионалами, готовыми расстаться со здоровьем (проблема допинга) и даже жизнью ради личных наград и повышения престижа своих государств, а с воспитанными средствами гуманистического спорта атлетами-любителями, для которых бег имеет экзистенциальную значимость как способ целостной, телесно-духовной самореализации в этически нагруженной сфере свободы.

Ключевые слова:

бег, философия спорта, анатомополитика, биополитика, власть, трансгрессия, Закон Янте, олимпийские игры, спортивная фантастика, дисциплинарные практики

В современной «хаптической» ^[1] (от греческого слова *haptikos* – осязательный, тактильный) культуре и исследующей ее постмодернистской гуманитаристике, преодолевающей лишающий человека целостности логоцентризм, тело становится предметом многоаспектных исследований и местом пересечения самых разнообразных дискурсов: спортивных (философия спорта), медицинских (биоэтика), политических (биополитика), психологических (психоанализ), философских (феноменология), социологических (социология тела), педагогических (физическое воспитание) и пр. ^[2, 3]. Одним из проявлений этой «телоцентричности» является популярность спортивных соревнований и расцвет фитнес-индустрии. В настоящее время *профессиональный* спорт, демонстрирующий виртуозное владение телом в соревновательной среде, является любимым зрелищем для миллионов и в силу этого престижным социальным лифтом, а *любительский* спорт позволяет почувствовать себя героем (например, в случае завершения марафонской дистанции), не боящимся выйти из зоны комфорта и способным преодолевать свои границы.

Физкультурно-спортивный контекст телесного бытия современного человека вызывает особый философский интерес к феноменологическому, экзистенциальному и социальному опыту движущегося тела ^[4], а это прежде всего *тело бегущее*, поскольку на указанном виде локомоции основаны многие спортивные дисциплины. Кроме того, стайерский бег – наиболее массовый современный вид любительского спорта. Вот как пишет о значимости бега Б. Глэнвилл: «Ты бежишь ради миллионов людей, которые верят в тебя, ради детей, которые захотят быть похожими на тебя, ради взрослых, которые жалеют, что не были похожи на тебя в молодости. Спортсмен значителен не только сам по себе, но важно и то, что он олицетворяет; сегодня его роль важна, как никогда, – в век автоматизации и механизации, когда о теле забывают и пренебрегают им» [Glanville B. The Olympian. Boston: Houghton Mifflin, 1980. P. 95].

Древность, популярность и многоаспектность использования беговых практик, конечно же, нашли свое отражение в художественной литературе. Как пишет Джон Бэйл, «последние годы стали свидетелями литературного поворота в спортивных исследованиях, когда ученые рассматривают, с одной стороны, литературные, поэтические и драматические способы представления своих исследований и, с другой стороны, <...> исследуют содержание дошедшей до нас литературы как средства интерпретации мира спорта и его репрезентаций. Такие современные исследования предполагают внимательное прочтение художественных текстов, поиск значимости в том, что скрывается между строк» [5, p. 190]. Наиболее авторитетным и полным научным изданием, посвященным исследованию бега в мировой литературе, является монография новозеландского бегуна мирового класса и известного литературоведа Роджера Робинса (родился в 1939 г.) [6], в которой прослеживается описание беговой деятельности от «Эпоса о Гильгамеше» и «Илиады» до художественных произведений конца XX века. Р. Робинс изучает изображение бега и использование беговых метафор в поэмах Пиндара и Овидия, посланиях святого апостола Павла, произведениях Данте, Шекспира, Дж. Мильтона, Р. Л. Стивенсона, Т. Харди, Г. У. Лонгфелло Дж. Джойса, Д. Лоуренса, У. Коллинза, К. С. Льюиса, Р. Киплинга, Ч. Сорли, Д. Керуака, Дж. Шихана, Э. Леонарда, К. Лундберга, А. Силлитоу, Б. Глэнвилла и многих других авторов. «... марафонец и ученый Роджер Робинсон исследует святость, сексуальность, свободу и вовлеченность в жизнь, которые бег олицетворяет в литературе. Бегуны лидируют, отстают, а иногда и устают, все время сталкиваясь с суровыми реалиями жизни» [7, p. 24]. Также заслуживают внимания работа Алексиса Тейди [8], в которой эксплицируется конструирование литературными средствами бегуна как бунтаря и героя, отстаивающего ценность свободы, на примере персонажа рассказ Алана Силлитоу «Одиночество бегуна на длинные дистанции» трудного подростка Смита, находящегося в колонии для малолетних правонарушителей, увлеченного стайерским бегом и с его помощью выражающего протест против несправедливости и лживости окружающей его социальной среды. Внимание А. Тейди привлекает и герой романа Жана Эшноза «Бег» – всемирно известный чешский спортсмен Эмиль Затопек – единственный бегун в мире, который на одной Олимпиаде (1952 г., Хельсинки) выиграл золотые медали на дистанциях 5 000 м, 10 000 м и марафоне. Помимо своих выдающихся спортивных достижений, Э. Затопек известен оппозиционной властям советской Чехословакии гражданской позицией, связанной с поддержкой Александра Дубчека, что после поражения «Пражской весны» ввергло его в многолетнюю опалу и поставило крест на благополучной жизни. Из работ современных отечественных ученых отметим диссертационное исследование С. С. Рыкова [Рыков С. С. Любительский марафонский бег: социокультурные смыслы и практики репрезентации в пространстве современной культуры: диссертация ... кандидата культурологии. Челябинск, 2023], один из разделов которого посвящен типам описания марафонского бега в современной российской и зарубежной художественной литературе. Спортивный бег привлекает писателей в первую очередь своим гуманистическим потенциалом, о чем, в частности, пишет Б. Глэнвилл: «Возможности тела беспредельны, если оно подчинено сильному духу. Двадцать лет назад считалось, что мило за четыре минуты не пробежать. Я говорил: мы дождемся, когда её пробегут за три сорок, и надо мной смеялись. И что же? Сейчас за четыре минуты мило бегают не только спортсмены, но и школьники. <...> Главное – осознание цели. Стоит только осознать, что достичь цель возможно, – она будет достигнута. Вот для чего нужен спорт, нужны рекорды. Они показывают возможности человека, а возможности эти беспредельны. Невероятное осознаётся, а потом осуществляется» [Glanville B. The Olympian. Boston: Houghton Mifflin, 1980. P. 16].

Анализ указанных источников приводит нас к пониманию того, что основой ряда художественных произведений, посвященных бегунам-спортсменам, является **конфликт** между порождаемым бегом чувством свободы и радости («Бег сделал меня свободным. Это избавило меня от беспокойства о мнении других, от правил и предписаний, навязанных извне» [Sheehan G. Running & being: the total experience. N.Y.: Rodale Books, 2013. P. 33]; «(во время бега – С.К.) доброта, истина и красота внезапно овладевают мной. Я удивлен радостью, преисполнен восторга, и мне ничего не остается, как ликовать со слезами на глазах» [Sheehan G. Running & being: the total experience. N.Y.: Rodale Books, 2013. P. 334-335]; «Иногда мне кажется, что я никогда не был так свободен, как в эти пару часов, когда я выбегаю из ворот на тропинку и сворачиваю у толстого дуба с голыми ветвями в конце дорожки» [Силлитой А. Одиночество бегуна на длинные дистанции. М. : Издательство АСТ, 2016. С. 10] и жесткой конкуренцией, а также авторитарной регламентированностью среды профессионального спорта, пробуждающей худшие человеческие качества: «Если бы меня попросили охарактеризовать мир легкой атлетики одним словом, я бы, наверное, выбрал слово «ненависть». Говорю так, глядя назад из сегодняшнего дня. Постоянная война между начальством и спортсменами, а тренеры посредине, как молниеотводы или агенты-provokatory. Помню, как Рон Вейн, любитель произносить напыщенные речи, однажды сказал: «Мир легкой атлетики – это одна большая семья». А я подумал: «Да, точно, одна большая, несчастная семья, в которой родители всё время цапаются с детьми». Ведь спортсмены – это избалованные, вечно спорящие дети, а начальство напоминает родителей викторианской эпохи. Так оно было, скорее всего, так и будет» [Glanville B. The Olympian. Boston: Houghton Mifflin, 1980. P. 84]. Очевидно, что спортсмены обретаются в общественном пространстве, составляющими которого являются различные агенты, техники и практики власти, к которым относятся программы развития национального спорта, планы физкультурно-спортивных достижений, спортивные чиновники, тренеры, СМИ, бюджеты, спортивная медицина, этические нормы, соревнования, а главное – бесконечное число отношений (например, взаимодействие тренера и спортсмена), через которые флюиды власти проникают в спортивные тела, иногда жестко, но чаще исподволь подчиняя их своей воле. Это напряжение между устремленности спортсмена к максимальной самореализации, риску, рекорду, спортивному творчеству и прочим феноменам свободы и властью, дисциплинарностью, иерархичностью среды, где эти устремления могут эффективно осуществляться и быть признанными, заставляет все чаще обращаться к философским концепциям, которые проблематизировали такого рода ситуации, в частности к идеям Мишеля Фуко (1926-1984) – французского историка, культуролога и философа.

М. Фуко как теоретик дисциплинарного тела

Анализ идейного наследия М. Фуко, а также рецепций его работ позволяет прийти к выводу, что рассмотрение тела в контексте не только антропологических, но также политических и властных отношений имеет серьезные основания, связанные с тем, что социальный порядок во многом обеспечивается контролем над внешним видом и способами удовлетворения потребностей тел; многие телесные действия и эффекты создают особый язык, структурирующий социальные действия; тела *символизируют* общества, а телесные идентификации и манипуляции поддерживают фундаментальные социальные отношения, имеющие важное значение для структуры власти: пол, здоровье, возраст, раса, сексуальная ориентация. Власть подчиняет тело разными способами – как репрессивными (смертная казнь, тюремное заключение, карательная психиатрия), так и рецессивными: порождая нужные ей желания и вознаграждая за их удовлетворение.

Спортивная среда как особая форма организации социального пространства также пронизана токами властной регуляции атлетов, которые осуществляют в ней соревновательную игровую деятельность по определенным правилам, максимально уравнивающим шансы участников и делающих исход состязаний заранее неопределенным и поэтому драматичным. Это вызывает огромный интерес публики и оказывает как на самих спортсменов, так и на зрителей множественные дисциплинирующие влияния, что закономерно приводит к выводу: «...значение спорта в отношении структуры власти заключается в том, что он уникально наделен способностью использовать тело таким образом, чтобы представлять и воспроизводить социальные отношения предпочтительным образом» [\[9, p. 142\]](#). Для философии спорта особенно значимыми являются результаты исследования М. Фуко отношений между властью, знанием и телом. Кратко охарактеризуем основные понятия, используемые французским философом для анализа социальной реальности.

1. Биевласть как единство анатоми- и биополитики. Их развитие, по мысли М. Фуко, происходило с XVII века и выражается в двух полюсах: «Один из этих полюсов – тот, кажется, что сформировался первым, – был центрирован вокруг тела, понимаемого как машина, <...> – целая анатомополитика человеческого тела. Второй <...> центрирован вокруг тела-рода, вокруг тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия <...> – настоящая биополитика народонаселения. Дисциплины тела и способы регулирования населения образуют те два полюса, вокруг которых развернулась организация власти над жизнью» [\[10, с. 242-243\]](#). Важно подчеркнуть, что М. Фуко выводит власть за рамки государства и господствующего класса, с которыми она прежде устойчиво ассоциировалась. Власть образует одно целое со знанием и циркулирует во взаимодействиях индивидов. Современная власть не столько пугает и принуждает, сколько прельщает и мотивирует, формируя тела таким образом, чтобы они были максимально эффективными и долго надежными. Этот «позитивный» модус власти является желанным для человека, поскольку чем больше он впитал произведенных дискурсами власти знаний и преобразовался под их влиянием, повысив свою эффективность, тем больше он получает вознаграждения и господства над другими телами. В этой связи понятно, почему многие атлеты не покидают сферу спорта после окончания карьеры, становясь тренерами или спортивными администраторами: они адаптировались к практически полному подчинению в довольно замкнутом мире тренировочных баз, осознали преимущества строгой дисциплины и наград за послушность, им комфортно в этой среде, где практически все решения принимаются кем-то вместо них, и тревожно от мысли о необходимости самостоятельно осуществлять экзистенциально значимые выборы в полной неопределенности жизни вне большого спорта.

2. Дисциплинарные практики. «Дисциплина» – именно так называется третий раздел книги «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [\[11\]](#), где М. Фуко пишет: «Методы, которые делают возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивают постоянное подчинение его сил и навязывают им отношения послушания – полезности, можно назвать «дисциплинами». Издавна существовали многочисленные дисциплинарные методы – в монастырях, армиях и ремесленных цехах. Но в XVII – XVIII веках дисциплины стали общими формулами господства. Они отличаются от рабства тем, что не основываются на отношении присвоения тел, и даже обладают некоторым изяществом, поскольку могут достичь по меньшей мере равной полезности, не затрудняя себя упомянутым дорогостоящим и насильственным отношением» [\[11, с. 200\]](#). Наследуя

методам пастырской власти, дисциплины не подавляют «послушные тела», а «нормализуют» их в соответствии с определенными стандартами, действуя тотально, но при этом зачастую скрытно, безмолвно. Формами дисциплинарных практик в применении к спорту являются (с использованием терминологии М. Фуко): *тренировочные планы*; разнообразные *упражнения*; организация *тренировочных времени и пространства*; «*нормализующие суждения*» как тренерские оценки; «*признание*» (беседы тренера со спортсменами «по душам», утешение или мотивирование); «*экзамен*» (соревнования и тестирования). Физическое воспитание – это ярко выраженная дисциплинарная практика, приводящая тело в соответствие с нормативными требованиями того или иного вида спорта, при этом сами спортивные виды нередко называются «дисциплинами».

3. Надзор и паноптизм. М. Фуко описывает две концепции контроля над телами: надзор и паноптизм. Надзор был присущ феодальным обществам и выражался во *внешнем* контроле: «Непрерывное инспектирование. Неусыпный надзор повсюду <...>. У всех городских ворот – наблюдательные посты, на углу каждой улицы – часовые» [\[11, с. 286\]](#) и публичных казнях, которые должны были держать в страхе население. Современные общества практикуют дисциплинарную власть, в основе которой *внутренний* контроль, то есть каждый индивид становится надзирателем для самого себя. Образным выражением этого у М. Фуко становится «паноптикум» Джереми Бентама (1748–1832) – английского философа, которого считают основателем современного утилитаризма. Д. Бентам разработал проект круглого здания тюрьмы, устроенной таким образом, что заключенные не видят тюремщиков и не знают точно, проводится ли в данный момент за осужденными наблюдение. При этом и сами сторожа-тюремщики точно не знают, когда их контролирует руководство тюрьмы. Эта неопределенность заставляет и первых, и вторых думать о постоянстве невидимого контроля и тем самым приводить свое поведение в соответствие с нормами. Организация такого самоконтроля достигается особым расположением строений в тюрьме. А поскольку «паноптизм, по Бентаму, есть общая политическая формула, характеризующая тип правления [\[12, с. 91\]](#), М. Фуко находит его проявления всюду: и в больницах, и в армии, и в школе, где люди распределяются администрацией особым образом, чтобы они постоянно ощущали гнет скрытого надзора и сами должным образом регулировали свое поведение. Отметим, что контроль бегунов через smart-часы, которые постоянно передают данные в компьютер тренера, а также обилие зеркал в фитнес-клубах также подпадают под логику паноптизма: все, что делает один человек, может быть замечено и оценено множеством других.

4. Технологии самости и субъективации. Очевидно, что личность как социально воплощенное тело не является исключительно пассивным воспринимателем властных воздействий. Проблематика детерминированных самой личностью собственных трансформаций в поле заданных властью типов социального взаимодействия также интересовала М. Фуко. Можно сказать, что это было главной темой его позднего творчества, связанного с созданием «Истории сексуальности». Отрицая априорную, трансцендентальную субъективность, он считает субъекта исключительно *конкретно-историческим* образованием: «...меня интересует как раз историческое складывание <...> различных форм субъекта в их взаимоотношениях с играми истин» [\[13, с. 255\]](#). М. Фуко полагает, что человека с субъекта превращают три режима объективации: господствующие дискурсы, например наука; «разделяющие практики» (например, одаренный/бесталаный, т.н. «идентифицирующая индивидуализация») и «самообъективация» («техники себя», «техники жизни», которыми субъекты делают из своей жизни оригинальное произведение). При этом два первых режима относятся к внешним факторам, а третий образует внутренний фактор. Его основой является

самопознание, «забота о себе» и «наслаждение собой». Субъективация осуществляется в социальном пространстве как переплетении дискурсов, в отношении каждого из них человек становится *определенным* субъектом, что подтверждается *другими* – как личностями, так и институциями. Таким образом, «...Фуко вскрывает сложное переплетение индивидуальных усилий человека с давлением социального окружения. Он на большом материале показывает, что становления субъективности не есть процесс рефлексивно-познавательный, но в основе своей практический, детерминированный не столько силой собственного разума индивида, сколько той социальной практикой, в которую он включен» [\[14, с. 65-66\]](#). Технологии самости направлены на то, чтобы сделать доминирование власти минимальным, культивируя чувство собственного достоинства и этически нагруженные способы существования, «...преобразуя себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [\[15, с. 100\]](#). Многие конфликты спортсменов с авторитарными тренерами обусловлены стремлением атлетов к большей свободе в рамках спортивной дисциплинарности, что рассматривается ими как важное условие максимальной самореализации.

Далее рассмотрим сквозь призму идей Фуко малоизвестный в России и не переведенный на русский язык роман (все переводы в тексте данной статьи сделаны ее автором) датского спортсмена, врача, политика и спортивного журналиста Кнуда Лундберга (1920–2002) «Det Olympiske Håb», опубликованный на датском языке в 1955 году и на английском языке в 1958 году под названием «The Olympic Hope: a story from the Olympic Games, 1996» («Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 года»). Этот текст относится к произведениям редкого жанра – спортивной научной фантастики, описывая вымышленный К. Лундбергом финальный забег на дистанции 800 метров у мужчин на Олимпийских играх 1996 г. в Гамбурге и жизненный путь участников этого состязания. Забег продлился 86 секунд и проходил на шлаковой дорожке в присутствии 800 тысяч зрителей, расположившихся на трехэтажных трибунах стадиона и в его проходах, поскольку стадион был рассчитан на 750 тысяч мест. В финале сошлись шесть бегунов: безымянные Конев и Власов из СССР (частичная индивидуализация бегунов только по фамилиям, видимо, выражает тоталитарный характер советского общества и его коллективность); два атлета из США – представители негроидной расы Джим Стокер и Тед Джексон; немец – Фридрих Хазенбегер и датчанин Эрлинг (в скандинавских странах это *оним* может быть как именем, так и фамилией, в переводе с древнескандинавского – «потомок вождя (ярла)»). События этой гонки излагает 84-х летний рассказчик, записывая в 2004 году свои воспоминания об олимпийском финальном забеге на 800 м.

Национальные варианты осуществления биовласти

Прежде всего отметим, что спорт высших достижений в 1996 году имел огромное политическое значение, поскольку стал самой крупной статьей национального бюджета после военных расходов во всех тоталитарных государствах, а в демократических обществах центрами спортивной подготовки являлись университеты, где спортивное совершенствование осуществлялось на передовой научной основе, что также предполагало значительные расходы. При этом наибольшим престижем обладали Олимпийские игры, за год до которых страны-участницы всеми силами старались скрыть результаты своих спортсменов, а их соперники стремились сделать все возможное, чтобы эти результаты узнать. Например, в СССР на стадионе «Динамо», где проходил чемпионат страны, был установлен огромный электромагнит, искажавший показания секундомеров, поэтому представители конкурирующих государств вынуждены были замерять время советских бегунов по песочным часам.

Каким же образом осуществлялась подготовка бегунов для спорта высших достижений в разных странах? Кнуд Лундберг моделирует четыре вида спортивной биовласти как синтеза анатоми- и биополитики: «Спортивная жизнь – это область радикальной анатомополитики, в которой все физические характеристики выступающих человеческих тел абсолютно необходимы для ее реализации: вес, рост, возраст, пол, мышечная выносливость, эмоциональный подъем и так далее. Это отдельные тела спортсменов, которые тренируются, упражняются, соревнуются и выигрывают или проигрывают. В то же время биовласть в области спорта проявляется как производительная сила для создания аффективных сообществ болельщиков, которые празднуют как коллективные биополитические субъекты и чьи эмоциональные инвестиции имеют решающее значение для формирования национальной идентичности» [\[16, p. 4\]](#).

А. Немецкий вариант. Представлявший Германию Фридрих Хазеньегер охарактеризован в романе как высший продукт немецкой легкой атлетики, он совершенно лысый (как модно в главной партии Германии, где все подражают бритоголовому лидеру государства фон Пройссу), с горящими глазами фанатика и всегда беспокойными жевательными мышцами. Фридрих Хазеньегер – результат немецкого евгенического проекта, суть которого в том, что семенем его отца Хуберта Хазеньегера – лучшего бегуна Германии и двукратного победителя Олимпийских игр, были искусственно («все знали, что знаменитый Хуберт не интересовался женщинами» [*«The Olympic Hope...»*, p. 35]) оплодотворены 1000 наиболее успешных немецких женщин-бегуний на 400 и 800 метров. Родившихся от этой процедуры детей в восьмимесячном возрасте, после завершения грудного кормления, изымали у матерей, проверяли физические кондиции и соответствующих определенным параметрам мальчиков и девочек отдельно готовили к спортивной карьере в специальных закрытых учреждениях. Фридрих Хазеньегера с братьями, например, воспитывали в спортивной школе, находящейся в старом замке на территории Шварцвальда. Фридрих Хазеньегер победил всех своих сводных братьев в огромном числе отборочных соревнований и удостоился чести представлять Германию на Олимпиаде.

Дискурс представленного в романе немецкого варианта биовласти отсылает к идеологическому наследию немецкого педагога и общественного деятеля Фридриха Людвига Яна (1778-1852), обосновывавшего пангерманизм, исключительность немецкого народа и необходимость развития его духа и тела на основе физического совершенствования при помощи впервые разработанной им снарядной гимнастики. «Из культа спортивных мужских тел частично произросло и национал-социалистическое государство, которое все свои открыто-репрезентативные сценарии основывало на непосредственном ощущении спортивного тела, не обремененного рефлексией, историческим чувством, сочувствием и тоской» [\[17, с. 206\]](#). С детьми постоянно проводилась идеологическая работа, им внушали, что главный недостаток спортсмена – мягкотелость, а величайшее счастье – завоевать честь и славу для родины, выиграв золотую олимпийскую медаль.

Также отметим яркие проявления *социального дарвинизма*, поскольку на протяжении многих лет дети тренировались в условиях острой конкуренции. «Каждый день и каждый час в течение дня они боролись за то, кто быстрее всех пробежит 800 метров. Они боролись за очки каждый час дня. Рейтинг значил все. Тех, кто был рангом ниже, можно было заставить делать что угодно. Они должны были слепо повиноваться. Это был вопрос того, чтобы быть на вершине. Всегда на вершине. В тестах на реакцию на старте, на выносливость, на нечувствительность к боли и во всех других испытаниях, которые давали очки и определяли рейтинг. «Он по рейтингу выше меня» или «Он по рангу ниже

меня». Это было все. Все, что хоть что-то значило в старом замке в Шварцвальде. Там воспитывалась элита мужественности, выносливости и отваги» [«The Olympic Hore...», p. 30].

Б. Советский вариант. Безымянные Конев и Власов были родом из разных регионов СССР: Конев был из Киева, Власов из Батуми, но в романе они одинаково называются «русскими». Едва научившись ходить, они принимали участие в детских забегах, а затем, победив на всех региональных соревнованиях, отправились с родителями в Москву на чемпионат СССР в беге на восемьдесят метров среди четырехлетних детей. Стадион «Динамо» в Москве, как и стадион в Гамбурге, вмещал 750 тысяч человек и на таких престижных соревнованиях был заполнен до отказа. В финальном забеге лучших детей СССР Конев победил Власова, в ответ последний в бессильной ярости начал избивать Конева, пока их не разняли судьи. Занявшие призовые места малыши изымались из семей (родителям вручался бронзовый крест (именно так в тексте – С.К.), восьмицилиндровый роскошный автомобиль и пожизненное государственное обеспечение с правом посещения соревнований с участием их детей в качестве компенсации). Автор романа упоминает о том, что подготовка каждого из них обошлась Советскому Союзу в 15 миллионов датских крон, а за победу было обещано звание Героя Советского Союза.

Если немецкий вариант биовласти восходил к славному прошлому германских племен и основывался на архаике, то в Советском Союзе воодушевлялись построением передового, доселе небывалого – коммунистического – типа общества и соответствующего ему «нового» человека, который любую сказку (в том числе и кажущийся непреодолимым рекорд) способен сделать былью. В СССР массовый бег пропагандировался государством посредством комплекса ГТО, на значке которого был изображен бегун, преодолевающий финишную ленту, а спортивный, рекордистский бег – многочисленными спортивными школами олимпийского резерва, которые обязаны были выполнять государственные планы подготовки высококлассных спортсменов. «Так, если национал-социалисты стремились создать новый «генетически чистый» тип человека, мыслящий категориями культа силы, национально-расовой дифференциации и нетерпимости, то для коммунистов главной задачей было выковать «нового человека» на основе идеалов мира, равенства и братства всех людей и наций» [Пашенко Л. В. Тоталитаризм: Россия - Германия в XX веке : сравнительный историко-философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук. Мурманск, 2010. С.12].

В. Американский вариант. В США мультимиллиардером Хендерсоном был организован фонд, финансировавший «выведение» высокорослых людей негроидной расы, которые стали бы выдающимися баскетболистами или прыгунам в высоту, прославляющими Америку. Фонд материально заинтересовывал высоких людей (которые по крайней мере на шестнадцать дюймов выше нормы) создавать семью с такими же по росту партнерами, а рожденных в этом браке детей брал под свою опеку, организовывая для их спортивного развития все условия в специальном учебном заведении, которое в тексте К. Лундберга названо «Черный университет», где были все ступени образования. Питомцами этого фонда были оба американских участника финального забега, однако их телесные кондиции очень различались: Джим Стокер был в этой шестерке самым маленьким, а Тед Джексон – самым большим и высоким. Дело в том, что мать Стокера, Маргарет, будучи ростом в семь футов (2 м 13 см) сочеталась браком с лучшим баскетболистом Америки (а значит, и мира) Гарри Стокером, но когда тот был в отъезде на соревнованиях, изменила ему с малолетним чернокожим саксофонистом-виртуозом в баре. От этой мимолетной связи, сохраненной в тайне от мужа, и родился Джим. При

этом зачать ребенка от Гарри у Маргарет не получалось, поскольку очень рослые люди, как правило, слабофертильны. Обнаружившего в раннем детстве феноменальную способность к скоростной выносливости малорослого Джима в возрасте шести лет приняли в университет Хендерсена, где его беговой потенциал развивали лучшие тренеры, врачи и психологи, разрешая ему до 14 лет жить дома. Единственное, что отвлекало Джима от тренировок, – непонятная окружающим тяга к музыке. Но Маргарет, которой были крайне неприятны воспоминания об адюльтере с саксофонистом, просто убрала из дома все радиоприемники и граммофоны и подвергла цензуре телевизионные программы, которые смотрел мальчик.

Что касается Теда Джексона, то он, появившись на свет от обоих высоких родителей, унаследовал их рост и телесные кондиции в полной мере, будучи на момент олимпийского финального забега учащимся «Черного университета», имеющим рост 2.30 см и вес 120 кг. Но важно отметить, что эти выдающиеся телесные параметры были обеспечены не только наследственностью, но и гормональной терапией. Дело в том, что зачастую дети гигантов имели чрезвычайно длинные, тонкие конечности и короткое округлое тело, склонное к полноте. В детстве они были вполне довольны собой, но во взрослой жизни их смущала странная внешность и тот факт, что почти все они были импотентами. Врачи из фонда Хендерсена убедили родителей Теда (не последнюю роль в этом сыграли 100 000 долларов вознаграждения) в необходимости гормональных экспериментов на их ребенке, что и стали осуществлять с мальчиком, когда он достиг трех лет. В результате гормональной терапии (нейтрализация половых гормонов, увеличивающая эффективность гормонов роста) тело Теда стало необыкновенно гармоничным, однако его половое и интеллектуальное развитие после 12 лет прекратились: он совершенно не интересовался девушками, а уровень его IQ навсегда остался в пределах 85 единиц. В лабораториях университета сочли такой результат для начала опытов приемлемым, поскольку Тед Джексон был безмятежно счастлив, атлетично сложен, легко внушаем и его ничто не отвлекало от спорта. Правда, из-за недостатка интеллекта он не мог быть полноценным участником баскетбольной или футбольной команды. Виной тому являлась его неспособность взаимодействовать с другими игроками в сложных групповых комбинациях, к тому же он поддавался на любой финт соперника, даже на один и тот же при многократном повторе, поэтому Тед специализировался на «бесхитростном» беге на 800 метров. При этом важно отметить, что в силу умственной незрелости, он не был способен менять тактику бега на дистанции. У Теда Джексона был только один вариант: бежать с постоянной максимальной для себя скоростью от старта до финиша.

Американский вариант биовласти, как видно, тоже связан с евгеникой. Обращает на себя внимание тот факт, что Джим Стокер и Тед Джексон – афроамериканцы, а центр спортивной евгеники назван «Черным университетом». В первой половине XX века США были ярко выраженным расистским государством, в некоторых штатах которого были запрещены совместные соревнования белых и черных спортсменов, а позже многие команды имели неофициальные квоты на черных игроков. Евгеническим «исправлениям» (например, массовой стерилизации) и экспериментам подвергались в первую очередь «лишние», «непригодные» люди, в своем большинстве представляющие цветное население. У родителей Теда Джексона фактически купили ребенка для гормональных опытов, которые вполне могли закончиться его смертью, а не только слабоумием. Сам факт того, что «Черный университет» на первое место ставит для афроамериканцев спорт, соответствует расистскому нарративу о малой пригодности небелого населения к интеллектуальной деятельности.

Г. Датский вариант: в отличие от всех остальных финалистов, подготовка Эрлинга не стоила ни государству, ни каким-либо учреждениям или спонсорам ни единого пенни, поскольку в Дании придерживались старомодного мнения, что спортсмены вознаграждаются радостью от самих тренировок и соревнований. Эрлинг приобщил к спорту и тренировал дедушка – многократный чемпион Дании и бронзовый призер чемпионата Европы 1974 г. по метанию копья. Важно отметить, что дедушка был любителем, который тренировался самостоятельно, метая копье в вересковых полях в перерывах между фермерскими заботами, да и в самом сельском труде он находил действия, которые служили ему упражнениями, например грузил репу в тележку, перекидывая ее через плечо, как копье. Если маленький Эрлинг пробегал всю дорогу от дома до фермы дедушки, то получал от него конфету; когда внук ставил рекорд на этой дистанции, то вознаграждался плиткой молочного шоколада. Убедившись в его таланте, дедушка начал изучать передовую советскую методику подготовки бегунов и помог 12-летнему внуку и его старшей сестре построить на пустоши рядом с домом четырехсотметровую дорожку из гравия, на которой вскоре подросток Эрлинг начал показывать результаты национального уровня. Чтобы тренироваться еще больше, он перестал ездить в школу на детском мотоцикле, пробегая туда и обратно по восемь километров и трижды ускоряясь по 800 м в полную силу в каждом направлении. Когда Эрлингу исполнилось 15 лет, он установил на официальных соревнованиях рекорд Дании на этой дистанции и попал на первые полосы газет, а также в телевизионные репортажи. После этого продажи детских мотоциклов в Дании резко сократились... Кнуд Лундберг не раз подчеркивает, что Эрлинг бежал только ради удовольствия, слава и деньги его не интересовали.

Специфику датского варианта биовласти можно понять, исходя из цели Эрлинга: «Не быть последним – это было лучшее, чего он надеялся достичь в этой компании» [«The Olympic Nore...», p. 125]. Эрлинг – единственный из бегунов, не мечтающий о победе, его главное желание – достойно показать себя в финале, что соответствует олимпийскому принципу «главное – не победа, а участие». Это проявление разделяемого многими консервативными шведами, датчанами, финнами, норвежцами и исландцами неписанного социального кодекса скромности Janteloven («Закон Янте»), который, обобщенно выражая социальные установки скандинавских народов, действовал в вымышленном норвежском писателем Акселем Сандемусе (1899–1965) маленьком городе Янте, где все друг у друга на виду. Описание принятых там правил жизни представлено в непереведенном на русский язык романе «Беглец пересекает свой след», опубликованном в 1933 году. «Закон Янте» включает в себя десять правил: среди которых «не думай что ты особенный», «не хвались тем, что ты лучше нас», «не думай, что ты хорошо что-то умеешь делать» и т.п. Датская королева Маргрете II провозгласила: «Мы очень гордимся нашей скромностью. Это наша перевернутая мания величия. Это очень утонченно» [18, p. 454]. Производными от «Закона Янте» являются коллективизм, скромность, справедливость, доверие к людям, трудолюбие, бережливость и аскетизм – отличительные черты скандинавов. Эти особенности находят свое отражение и в спорте: «...говорят, что 13-кратный чемпион мира по лыжным гонкам Петтер Нортуг именно благодаря янтеловену меньше зазнавался, объективнее оценивал своих соперников – и поэтому побеждал» [Вдовенко А. Янтеловен: неоднозначный скандинавский взгляд на справедливость. URL: <https://lifestyle.ru/yanteloven-zakon-yante/> (дата обращения: 14.02.2024)].

Допинг, дисциплинарные практики, сопротивление и трансгрессии бегунов

Значимыми элементами анатомополитики как составляющей биовласти К. Лундберг

полагает использование бегунам **допинговых средств, гормональной терапии для улучшения спортивной формы и калечащих практик**. В «Олимпийской надежде» медикаментозный допинг использовали Фридрих Хазеньегер, Джим Стокер и Тед Джексон, последний был еще подвергнут гормональной терапии для улучшения физической формы, а с калечащими практиками столкнулись представители СССР Конев и Власов. При этом, как полагает автор романа, в 1996 г. олимпийские правила «...никто в здравом уме больше не воспринимал всерьез» [«The Olympic Hope...», р. 32]; «официально немцы не употребляли допинг – так же, как другие. Но, конечно, никто, кроме Олимпийского комитета, в это не верил» [«The Olympic Hope...», р. 74].

Описывая допинговую историю Фридриха Хазеньегера, К. Лундберг сообщает, что немецкие запрещенные препараты для бегунов были лучшими в мире, они вводились в организм человека непосредственно перед забегом и достигали пика своего воздействия сразу после старта. У этих препаратов были значительные побочные эффекты – после их приема бегун находился на грани сердечной недостаточности, при этом несколько спортсменов умерли на стадии испытания этих секретных веществ. Оба американца тоже перед началом бега получили инъекцию во внутреннюю сторону локтевого сгиба: им вводили допинг не в мышцы, а в кровь. «Стокер не знал, что было в шприце, но он знал, что это не опасно. После забега человек смертельно уставал – физиологи утверждали, что это могло мобилизовать семьдесят пять процентов скрытых резервов за короткое время, которое длился забег на 800 метров. Так что неудивительно, что после этого спортсмен был совершенно измотан. Человек не должен ни подниматься по лестнице, ни тратить энергию на что-либо другое двадцать четыре часа после забега – физиологи особенно предостерегали от половых сношений – и никому не разрешалось тренироваться в течение следующих шести дней» [«The Olympic Hope...», р. 74-75]. Что касается калечащих практик советских бегунов, то в романе повествуется, что после изъятия из семей Конев и Власов учились и тренировались в специальном спортивном лагере, где над детьми ставились эксперименты, в частности некоторым бегунам были ампутированы руки чуть выше локтя (видимо, для снижения веса), однако данная практика была признана неудачной, так как это нарушало баланс тела и ритм бега. Затем бегунам стали связывать руки и препятствовать их развитию (т.е. набору мышечной массы), отчего Конев и Власов имели очень мощные ноги, огромную грудную клетку, но дистрофические передние конечности.

Далее обратимся к **дисциплинарным практикам**. Во-первых, отметим, что все бегуны, кроме датчанина, развивали свои спортивные таланты в закрытых от посторонних *специализированных пространствах*: немец в старом замке на территории Шварцвальда, о русских К. Лундберг пишет так: «Выше пояса они походили на узников концентрационного лагеря – и в каком-то смысле так оно и было. Они находились в тренировочном лагере без какой-либо связи с внешним миром с тех пор, как им исполнилось четыре года» [«The Olympic Hope...», р. 51], Тед Джексон и Джим Стокер были изолированы в «Черном университете» с трех и четырнадцати лет соответственно. Нахождение в этих пространствах предполагало *жесткий распорядок дня*, в частности о Джиме Стокере говорится, что «его диета, сон, тренировки и часы досуга были тщательно спланированы», а когда у него появилась половая потребность, то университет нашел ему девушку, которая «...как ему казалось, нашла его сама. Они (*надзирающие* работники университета – С.К.) следили за тем, чтобы он жил здоровой, простой сексуальной жизнью...» [«The Olympic Hope...», р. 70]. Затем – ежедневные напряженные беговые *упражнения*. Например, в немецком замке частым упражнением для детей Хуберта Хазеньегера был бег на эскалаторе, похожем на роликовую ленту, которая двигалась так быстро, что удержаться на ней было очень сложно, а

сорвавшиеся подвергались унижительным наказаниям. При этом бегущие по ленте должны были смотреть на большой экран, где их общий отец бежал тем стилем, который они должны были перенять. Время от времени изображение ребенка накладывалось на картинку бегущего Хуберта Хазенъегера, чтобы четко видны были несовпадения их техник, о чем громко предупреждал контролирующий процесс тренер. Социальное пространство в немецком варианте предполагало постоянную *дифференциацию* детей по рейтингу и ежедневные *экзамены*, описанные выше. Перечисленные практики, концептуализированные М. Фуко в «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» были способами осуществления дисциплинарной власти, направленной на превращение детей в высокопроизводительные *беговые машины* под надзором многократно упоминаемых К. Лундбергом ученых, психотерапевтов, физиологов, массажистов, сотрудников спецслужб и тренеров – *агентов научного дискурса (знание/власть)*, на основе которого и осуществлялись дисциплинирование и нормализация «бегущих тел».

Однако, как писал М. Фуко, власть с необходимостью предполагает неповиновение: «...в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления – сопротивления насилием, бегства, коварства, стратегий, переворачивающих ситуацию, – отношений власти не существовало бы вовсе» [\[13, с. 257-258\]](#). В работе «Субъект и власть» М. Фуко различает три типа такой борьбы с властью: противостояние формам господства (например, этническим, социальным и религиозным); противостояние эксплуатации, т.е. отделению индивида от производимого им; а также наиболее актуальное для современности противостояние всему тому, что привязывает субъекта к самому себе, тем самым обеспечивая его подчинение другим. Здесь имеется в виду, что власть: «...классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов» [\[13, с. 167-168\]](#).

Джон Бейл предлагает дифференцировать противостояние доминирующим социальным установкам на сопротивление и трансгрессию. Различие между ними в том, что первое выступает как «действие против какой-либо нелюбимой сущности с намерением изменить или ослабить ее влияние» [\[19, р. 209\]](#) (примерами «нелюбимых сущностей» могут быть политические режимы, идеологии, спортивные чиновники, допинг, дискриминации и т.п.), а второе Д. Бейл понимает как выход за пределы границ нормальности, который иногда бывает непреднамеренным.

В «Олимпийской надежде» примером *сопротивления* являются действия Конева. Он финишировал в финальном забеге за группой призеров, причем сделал это специально. В тексте романа неоднократно подчеркивается, что все эксперты (например, дедушка Эрлинга; сам рассказчик; компетентные зрители на стадионе) четко осознают, что Конев – лучший бегун финала, с которым никто не сравнится, и сам Конев, в какой-то момент увлекшись забегом и чувствуя свой огромный потенциал, всего лишь на мгновение ощущает тоску по реальной для него олимпийской победе, по счастью превзойти лучших бегунов мира, но превосходит себя («он боролся против собственной души бегуна» [*The Olympic Hope...*, р. 151]) и прекращает состязаться. Дело в том, что Конев влюбился в лучшую пловчиху СССР Соню, которую случайно встретил, заблудившись на огромном стадионе. Вот что она говорит ему во время их первой и единственной встречи: «Почему нам запрещено даже смотреть на мужчину? – прошептала она. – Ты первый мужчина, к которому я когда-либо прикасалась. Я не хочу снова отпускать тебя. <...> Как долго мы будем терпеть, когда наш тренер отнимает у нас «Советский спорт»,

если мы быстро не пролистаем страницы с фотографиями мужчин? И психотерапевты не заставят меня забыть о тебе» [«The Olympic Hope...», р. 24]. Бегунам-мужчинам тоже было категорически запрещено встречаться с женщинами. За несколько минут их единственного разговора Конев и Соня принимают решение проигрывать все соревнования, чтобы их отчислили из сборной СССР и они смогли бы вместе. При этом и Конев, и Соня рискуют жизнью, поскольку в романе упоминается некто Щербаков – прославленный чемпион, который внезапно тоже стал проигрывать, после чего бесследно исчез...

Трансгрессия в романе представлена образами Фридриха Хазеньегера и Эрлинга. В соответствии с государственной идеологией стремления к первенству Германии во всем, немецкие олимпийцы, в том числе и по инициативе Фридриха Хазеньегера, приняли решение в случае проигрыша (а это любое место, кроме первого) совершать самоубийство. Глава немецкого государства поддержал этот призыв, увидев в нем проявление «железного духа, достойного старой школы» [«The Olympic Hope...», р. 33], и в течение первых четырех дней Игр в Гамбурге три немецких спортсмена воспользовались револьвером, лежавшем в раздевалке их сборной. Финишной ленты, как показалось с трибун, где находится рассказчик, одновременно касаются Хазеньегер, поставивший на победу свою жизнь, Эрлинг и Стокер. Как выясняется, первым это сделал немец, но он пересек финишную линию в яростном прыжке рукой, а по правилам побеждает тот, кто первый заступит за нее ногами. Поэтому победу присудили Стокеру, вторым был признан Эрлинг, а Хазеньегер оказался лишь третьим. Немец сдержал свое обещание, звука выстрела в реве толпы, скандирующей его имя, слышно не было, и на награждение были вынесены лишь кроссовки Хазеньегера, на которые чуть позже положат медаль с надписью «Не ради победы, а ради участия»... Пораженный беговым мастерством, мужеством и верностью клятве немца Эрлинг переложил его кроссовки с медалью с третьей ступени пьедестала на свою – вторую, а сам занял «бронзовое» место Хазеньегера – и в этот момент аплодисменты стадиона переросли в бешеный рёв. Как говорит рассказчик, Эрлинг выиграл не только олимпийскую медаль, но своим благородством и скромностью – сердце всей Германии.

От критики спорта к олимпийской надежде

Представим некоторые частные замечания, проблемы и выводы, касающиеся бегового спорта в представлении К. Лундберга. Прежде всего обращает на себя внимание *критический характер романа*, открывающего перед читателем изнанку олимпийских соревнований. Это в первую очередь касается негативных трансформаций тела и духа спортсменов евгеническими практиками, допингом и государственным давлением, которые можно объединить понятием *биовласть*. Анализ вариантов осуществления биовласти в спортивных практиках на примере «Олимпийской надежды» показывает ее комплексный характер как объединяющей суверенную власть, дисциплинарную власть и элементы биополитики. Вот как об этой сложности пишет М. Фуко: «Таким образом, в современных обществах, с XIX века и до наших дней, существуют, с одной стороны, законодательство, дискурс, система государственного права, основанная на принципе суверенитета общества и делегирования каждым его суверенной воли государству; с другой стороны – разветвленная сеть дисциплинарных принуждений, фактически обеспечивающая связь внутри общества. <...> В современных обществах власть осуществляется во взаимодействии этих гетерогенных начал – государственного права и многообразной механики дисциплины, через это взаимодействие и исходя из него» [\[20, с. 56\]](#). В частности, суверенная власть проявляется в том, что все рассмотренные варианты подготовки бегунов высшего класса являются законными и поддерживаются

государством, так как Олимпийские игры должны продемонстрировать величие страны и укрепить ее имидж на международной арене. Дисциплинарная власть проявляется в системе надзора, «дрессировки» при помощи упражнений, распределения субъектов по группам, нормализации и наказания, что мы видим при описании тренировочного процесса бегунов. Биовласть же предполагает работу с массами путем контроля их рождаемости, воспроизводства, уровня здоровья, смертности и т.п. – это проявлялось в описанных в романе евгенических проектах и расистских практиках.

Далее отметим описание тренировочного процесса, к примеру, немецких бегунов – это, по сути, *муштра*, где главным стимулом является возможность избежать наказания и унижения, беспрекословно выполняя команды тренера и без остатка выкладываясь на спортивных занятиях и соревнованиях. Но это касается не только немцев. Так, Власов, прозванный «человеческим локомотивом», откровенно списан К. Лундбергом с великого чехословацкого бегуна Эмиля Затопека, имевшего прозвище «чешский локомотив» и тренировавшегося в сверхдисциплинарной армейской среде социалистического государства. Затопек был известен очень жесткими методами беговых занятий и тем, что он не скрывал своих мучений во время соревнований: его лицо было перекошено гримасами боли, а тяжелое дыхание перемежалось стонами. Таков же и практически биоробот Власов – фанатик предельного по напряженности труда и строгой дисциплины, сгорбленный, нервный, не способный расслабиться, явно перетренированный, всегда завидующий необыкновенно талантливому и легко бегущему Коневу и болезненно реагирующий на любые проявления радостной жизни. Как нельзя лучше к образу Власова подходит следующая цитата: «Физическая культура и спорт в силу сочетания в себе потенциалов биологического и социального управления человеком играют особую роль в тоталитарной системе, поскольку их основная задача в данном случае заключается в кинестетическом программировании человека для его утилитарно-прагматического использования, результатами которого становятся биороботизация и анимализация людей, приводящая к их социокультурной деградации» [Михайлов В. В. Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры : автореферат дис. ... кандидата философских наук. М, 2000. С.7].

К. Лундберга упрекали в том, что более 70 страниц текста он посвящает самому финальному забегу, который длился менее полутора минут – дескать, это слишком затянуто и неинтересно ^[5]. Однако описанная гонка поражает своей тактической сложностью, когда борьба идет в группе спортсменов за лучшую позицию после первых 100 метров бега по индивидуальным дорожкам. И эта борьба происходит на огромной скорости и на минимальной дистанции между атлетами в присутствии эмоционально заряженных 800 тысяч зрителей. Едва ли не каждую секунду спортсмен должен самостоятельно принимать решения, учитывая и прогнозируя огромное количество внешних и внутренних факторов. Учат ли этому его на тренировках, где он обязан подчиниться воле тренера, стать максимально послушным, безынициативным, неконфликтным и механически бегать отрезки строго на определенные расстояния и точно попадая во временной интервал, заданный наставником? Эта проблема противоречия максимального тренерского контроля и авторитарных дисциплинарных практик, обеспечиваемых тренировочным процессом, и непредсказуемостью соревновательного события, требующего активной воли и адаптивного ума спортсмена, художественно поднимается автором романа и делает актуальным обращение к проблематизирующей такие ситуации социальной теории М. Фуко, в частности к его «технологиям самости», позволяющим противостоять крайностям господства суверенной и дисциплинарной власти.

Трансгрессивный характер анализируемого романа также проявляется и в развенчивании обывательских представлений о беге, воспринимающемся многими как едва ли не самый мирный вид спорта, в котором нет места агрессии и насилию из-за его бесконтактности. Недаром на первых тринадцати олимпиадах Античности, останавливающих войны, бег был единственным видом состязаний, став тем самым символом бескровного соперничества. Высокие ставки олимпийского финала не только дегуманизируют спортсменов, превращая их в гладиаторов, но и лишают бег миротворческого ореола: бегуны чуть задерживают ногу, чтобы на шипованную кроссовку наткнулся соперник; незаметно бьют друг друга локтями; «подрезают» во время перестроения и т. п. В итоге Хазеньегер финишировал со сломанной носовой костью и «...с ужасными синяками от щеки и вниз по левому боку, вплоть до колена» [«The Olympic Nore...», p. 165], Джексон получил удар в живот, у Конева глубокая рана в бедре и в крови вся нога: «Это был уже не бег; это была сосредоточенная, яростная, безумная борьба» [«The Olympic Nore...», p. 164].

Кратко рассмотрим победителей и побежденных в романе. Образы проигравших бегунов во многом символичны, поскольку каждый из них воплощает такие особенности личности или отношения к спорту, которые претили датскому писателю. Хазеньегер представляет подчинение спорта политике, во многом основанной на проявлениях остаточного нацизма. Теда Джексона характеризуют малоумие и вечная детскость, поэтому, проиграв забег, он ведет себя типичным для 12-летнего ребенка способом: горько плачет; как видно, американский спортсмен не по своей вине, но лишен возможности развития. Власов – мелкий, бесталаный человек, одолеваемый ре resentиментом: он все время находился в тени Конева, завидовал его беговым способностям, славе и внешней привлекательности.

К победителям следует отнести олимпийского чемпиона Джима Стокера, оставшегося без медали Конева и призера Эрлинга. Стокер интересен тем, что его зачатие произошло вне евгенических практик, и развивался он тоже естественно, без генетических вмешательств, хотя бежал, как мы помним, на допинге. Отдав победу маленькому чернокожему бегуну, К. Лундберг, безусловно, выразил свое отношение к расизму и притеснениям афроамериканцев в США, указал на свое неверие в «чистые» олимпийские победы в настоящем и будущем и поддержал к тому времени уже неактуальную идею основоположника современных Олимпийских игр Пьера де Кубертена об объединении спортивных и «мусических» соревнований. Как известно, с пятой по четырнадцатую Олимпиады (т.е. с 1912 по 1948 гг.) параллельно со спортивными состязаниями проводились конкурсы связанных с атлетизмом художественных работ, разделенных на такие группы, как «Архитектура», «Литература», «Музыка», «Живопись», «Скульптура». Эти конкурсы прекратились, поскольку произведения требовалось выставлять анонимно, а маститые деятели искусств, лишенные в этом случае преимущества своего авторитета, опасались публичного проигрыша. То, что олимпийский победитель был рожден от музыканта и бывшей спортсменки, демонстрирует убежденность К. Лундберга в плодотворности союза телесного и духовного начал, приближающего к античному идеалу совершенства.

Конев своим поражением на дистанции выиграл главную награду для себя – свободу, позволяющую ему соединиться с любимой женщиной. После провального для русского атлета забега «(Тренер – С.К.) ...прочистил горло, отвел взгляд от Конева, опустил глаза в пол и сказал тихим голосом, как будто выносил смертный приговор: «Ты можешь идти куда тебе заблагорассудится». Конев стиснул зубы, чтобы скрыть свое счастье. Он выиграл свой забег. Где-то там, внизу, ждала Соня. Он знал это. <...> Не глядя по

сторонам, он вышел из раздевалки. Навстречу жизни» [«The Olympic Hope...», р. 170].

Эрлинг, конечно, воплощает собой олимпийскую надежду К. Лундберга: бесспорный любитель, хотя и тренировавшийся по научным методикам, но вне жестких, выхолащивающих душу дисциплинарных практик и не использовавший допинг. Эрлинг бежал *фартлеки* (свободные ускорения по ходу бега) в вересковых пустошах Дании по дороге в школу, он участвовал в соревнованиях ради удовольствия и был единственным, кто улыбался на старте финального забега. Он не выбирал между победой и жизнью, не использовал подлые приемы на дистанции, оказался способен на благородные поступки и не ставил личные или государственные интересы выше морали («янтеловена»), потому что никакая победа не стоит расчеловечивания. Эрлинг – это и есть тот самый *атлет* как вид нового человека, ради воспитания которого гуманистическим спортом возрождал Олимпийские игры П. де Кубертен. И очень показательна реакция датского бегуна на все происходящее в финальном забеге и после него: «Затем он поворачивается спиной к сверкающей толпе и выходит в ванную, чтобы его стошнило» [«The Olympic Hope...», р. 172]. Это последнее предложение в романе, выражающее и позицию автора романа.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Современная культура характеризуется телocентричностью с особым интересом к феномену движущегося тела, одним из видов мобильности которого является беговая локомоция как основа многих дисциплин профессионального и любительского спорта.
2. Исследование литературных произведений, посвященных спортивному бегу, позволяет определить их сюжетную доминанту как конфликт между порождаемым бегом чувством свободы и такими свойствами профессионального спорта, как жесткая конкуренция соревновательных практик и авторитарная регламентированность тренировочного процесса.
3. Социокультурные напряжения такого рода плодотворно осмыслились в трудах Мишеля Фуко с использованием концепций биовласти как единства анатоми- и биополитики; дисциплинарных практик как методов нормализации тел; надзора и паноптизма в качестве средств контроля, а также технологий самости и субъективации, направленных на демпфирование эффектов чрезмерного господства.
4. В качестве объекта применения фукодианских средств анализа вышеуказанной конфликтной ситуации использовался фантастический спортивный роман Кнуда Лундберга «Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 года», посвященный описанию жизни и спортивных практик участников олимпийского финального забега на 800 м.
5. Результаты этого анализа позволили выявить четыре варианта биовласти: немецкий (генетическая евгеника), американский (гормональная евгеника), советский (калечащие практики) и датский (основан на свободном развитии природной предрасположенности), используемой для организации рождения и подготовки бегунов высшего уровня.
6. Идейной основой биовласти являются ориентированные на архаику воззрения Фридриха Людвиг Яна (Германия), модернистский проект «нового человека для нового общества» (СССР), расизм как политика избавления социума от «непригодных» людей (США) и скандинавский кодекс скромности и коллективизма «янтеловен».
7. Дисциплинарные практики подготовки бегунов наиболее отчетливо выражены в

тоталитарных государствах. Методами их осуществления являются специализированные закрытые тренировочные пространства; жесткий распорядок дня; ежедневные монотонные беговые упражнения; постоянная дифференциация спортсменов по рейтингу; экзамены в виде соревнований; медицинские эксперименты.

8. Надзор над «бегущими телами» осуществляют носители дискурсивной власти в виде экспертного знания, к которым относятся ученые, психотерапевты, физиологи, массажисты, тренеры, а также паноптически контролирующие всех сотрудники спецслужб.

9. Реализация бегунами технологий самости и субъективации осуществляется в формах сопротивления (специальный проигрыш забега как метод освобождения от государственного принуждения и тотального контроля) и трансгрессии (самоубийство в случае недостижения победы). Также эти технологии оказываются важными для успешного участия бегуна в непредсказуемом соревновательном событии, требующем активной воли и адаптивного ума, что недостижимо в рамках авторитарного тренировочного процесса, направленного на дисциплинарную подготовку «послушных тел».

10. К. Лундберг связывает свои олимпийские надежды в спортивном беге не с жестокими (превращающими бег в битву и финиширующими с переломами и в крови) профессионалами, готовыми расстаться со здоровьем (проблема допинга) и даже жизнью ради личных наград и повышения престижа своих государств, а с воспитанными средствами гуманистического спорта атлетами-любителями, для которых бег имеет экзистенциальную значимость как способ целостной, телесно-духовной самореализации в этически нагруженной сфере свободы.

Библиография

1. Эпштейн М., Тульчинский Г. Философия тела. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006.
2. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2021.
3. Торопова А.А. Философия телесности. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2024.
4. Sport, Physical Culture and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies / Ed. by Newman J. I., Thorpe H., Andrews D. L. New Brunswick, New Jersey : Rutgers University Press, 2020.
5. Bale J. Deviance, Doping and Denmark in Knud Lundberg's «The Olympic Hope» // Sport in History. 2009. No. 29:2. Pp. 190-211. doi: 10.1080/17460260902872628
6. Robinson R. Running in literature: a guide for scholars, readers, runners, joggers and dreamers. Halcottsville, N.Y.: Breakaway Books, 2003.
7. Robinson R. Filling the Unforgiving Minute: The Literature of Running // World Literature Today. 2012. Vol. 86. No. 2. Pp. 24-29. doi:10.7588/worldlitetoda.86.2.002
8. Tadie A. Running for Freedom: The Politics of Long-Distance Running in Modern Fiction // The International Journal of the History of Sport. 2015. No. 32:2. Pp. 286-298. doi: 10.1080/09523367.2014.967227
9. Hargreaves J. The Body, Sport and Power Relations // The Sociological Review. 1985. No. 33. Pp. 139-159. doi:10.1111/j.1467-954x.1985.tb03304.x
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум : Изд. дом "Касталь", 1996.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
12. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в

- 1978-1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. полит. ст., выступления и интервью / Пер. с фр. С. Ч. Офертаса. М.: Праксис. Ч. 3. 2006.
14. Голенков С. И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. №1. С. 54-66.
15. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96-122.
16. Makarychev A. & Medvedev S. Doped and disclosed // Politics and the Life Sciences. 2019. No. 38. Pp. 1-12. doi: 10.1017/pls.2019.11
17. Алкемейер Т. Стройные и упругие: политическая история физической культуры // Логос. 2009. № 6 (73). С. 194-213.
18. Nelson M., Shavitt S. Horizontal and vertical individualism and achievement values. A multimethod examination of Denmark and the United States // Journal of Cross-cultural Psychology. 2002. No. 33. Pp. 439-458. doi: 10.1177/0022022102033005001
19. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
20. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «"Олимпийская надежда": фуколдианские интерпретации» является продолжением темы философского осмысления спортивного бега, представленного в целой серии статей, вышедших за последние полгода. Автор данного исследования исходит из убеждения, что спортивные практики в целом, и бег в частности, являются отражением социально реальности, поэтому могут и должны стать предметом осмысления философов. Рассматриваемая статья имеет своим предметом фантастический роман датского спортивного журналиста Кнуда Лундберга «Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 года», который рассматривается сквозь призму установок Мишеля Фуко, анализирующего властные отношения. Автор статьи на примере героев романа – спортсменов бегунов на дистанцию 800 метров, демонстрирует возможность применения к практикам бега, личностям спортсменов и олимпийским соревнованиям дискурса власти и подчинения, разработанного М. Фуко.

Методология исследования заключается в выявлении в сюжете и описании героев романа «Олимпийская надежда» ключевых характеристик функционирования власти, предложенных М. Фуко в работах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и «Субъект и власть». Фактически можно говорить о компаративистском анализе, присутствующем в статье и заключающимся в сопоставлении литературного и философского произведений.

Актуальность своего исследования автор связывает с особым философским интересом к феноменологическому, экзистенциальному и социальному опыту движущегося тела. Этот интерес, в свою очередь, вызван тем, что в современном мире профессиональный и любительский спорт приобретает все больше сторонников, что превращает его в одну из значимых социальных практик.

Научная новизна статьи заключается в анализе автором социальной сущности спорта, проводимом на примере литературного произведения сквозь призму идей Фуко.

Стиль статьи соответствует требованиям научных публикаций в области гуманитарных исследований. Автор четко формулирует ключевые положения своего исследования, подкрепляя их логически последовательной аргументацией.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В начале работы автор дает обзор современных исследований, посвященных философскому анализу беговых практик, затем обращается к осмыслению социума в терминах власти и подчинения, предлагаемом Фуко и доказывает возможность рассмотрения французского философа как теоретика «дисциплинарного тела». В статье делается акцент на такие идеи Фуко в преломлении к осмыслению бега, как: дисциплинарные практики, надзор и паноптизм, технологии самости и субъективации, и способы сопротивления власти. Обращаясь к художественным произведениям, посвященным бегунам-спортсменам, автор указывает на то, что основой их сюжета, как правило, лежит конфликт между порождаемым бегом чувством свободы и радости, с одной стороны, и жесткой конкуренцией, а также авторитарной регламентированностью среды профессионального спорта, пробуждающей худшие человеческие качества – с другой. Большая часть статьи посвящается анализу биовласти, представленной в романе четырьмя национальными стратегиями в спорте: немецким вариантом евгеники, советским вариантом тотального государственного воспитания, американским вариантом биоэкспериментов и демократической моделью воспитания датского спортсмена.

Библиография статьи включает 20 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Статьи последних не переведены на русский язык. Следует заметить некоторую странность списка литературы - ключевой источник – роман Кнуда Лундберга отсутствует в нем, автор вводит его название непосредственно в текст статьи, но даже не приводит аутентичное написание имени автора.

Апелляция к оппонентам присутствует в первой части статьи, где автор рассматривает исследования Б. Глэнвилла, Д. Бэйла, Р. Робинса, А. Тейди, и диссертационное исследование отечественного автора С. С. Рыкова.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, как спортсменов, философов, любителей литературы. Она хорошо написана и демонстрирует навык автора увлекательно говорить о достаточно узкоспециальных проблемах доступным языком.